

Маргарита Н. Кожина (Пермь)

Речеведение: функциональная стилистика и дискурсный анализ

✦ Ключные речи:

речеведение (лингвистика речи), функциональная стилистика, дискурсный анализ, дискурсная формация, дискурс, функционализм, интердискурс.

У раду се разматра питање односа анализе дискурса и функционалне стилистике (сличности и разлике) као дисциплина лингвистике говора у светлу функционализма, једног од доминантних праваца савремене лингвистике.

Изменение парадигмы языкознания, происходящее во второй половине и конце XX в., о чем пишут многие исследователи, подводя итоги развития современной лингвистики¹⁾, во многом связано с изучением не только *системности* языка в строгом смысле этого слова, но и его *функционирования* (употребления, использования) *в речи*. Причем исследования второго – функционального – плана становятся все более интенсивными и многообразными.

Если в свое время Л. Ельмслев заметил, что «Соссюр, по сути дела, открыл

язык как таковой», структура которого только начинает исследоваться, то другой не менее известный ученый Л. Блумфилд в своей рецензии на «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра ставит в заслугу автору то, что «он дал нам различение *языка и речи*» и «теоретическую основу науки о человеческой *речи*» (цит. по: Бенвенист 1974: 57). И хотя, как известно, сам Соссюр главным предметом лингвистики считал систему языка, но вместе с тем предполагал в дальнейшем исследование речи, говоря о «разумности изучения речевой деятельности» (1933: 36) и отмечая,

1) См. работы В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, Ю. Н. Караулова, Ю. С. Степанова, Р. М. Фрумкиной, Е. Н. Ширяева и др.

что «язык – только определенная *часть* речевой деятельности» (1990: 34) (Подчеркнуто нами. – М. К.). Все это вытекало, как отмечал Э. Бенвенист, из дуализма сосюрровской теории: «дуализма звука и значения;... индивида и общества; ... *языка и речи* и т.д.» (Бенвенист 1974: 55). Поэтому «Курс...» предполагает как лингвистику *языка*, так и лингвистику *речи*. Однако к настоящему времени если первая уже достаточно исследована, то вторая хотя и стала в последние десятилетия бурно развиваться, однако не завоевала еще в мировой лингвистике подобающего ей места и значения.

Так, А. Кибрик, анализируя состояние американской лингвистики, свидетельствует о значительном преобладании в ней пока формальной лингвистики по сравнению с функциональной и о том, что «не редкость встретить представителя генеративной грамматики, который не подозревает о существовании другой лингвистики...» (Кибрик 1997: 329–330). Хотя он же говорит о расширении в целом в лингвистической науке интереса «от предложения к тексту, от языка к речи» (1987) и о том, что с 70-х гг. и в Америке «функциональное направление все более пробивает себе дорогу» (Кибрик 1982)

Проблематика изучения языка в действии, явлений речевой деятельности, антропоцентризма в лингвистике («присвоения языка человеком», по выражению Э. Бенвениста) изменяет представление лингвиста об «образе языка». Среди доминирующих теорий второй половины и конца XX в. В. З. Демьянков, как и многие другие ученые, называет, наряду с генеративной лингвистикой, функционализм, лингвистику текста и анализ дискурса. Е. С. Кубрякова указывает, что на грёбне современных парадигмальных поворотов находятся тенденции экспансиониз-

ма, функционализма, когнитивизма и антропоцентризма. Ю. Н. Караулов и В. В. Петров отмечают, что «... существенные результаты в современных исследованиях языка *вряд ли* могут быть получены путем изучения *чисто языковых* явлений» (1989: 11). Ван Дейк считает, что «язык (*langue*) интересен только в плане объяснения свойств речи (*parole*)». Ян Ньютс предлагает строить модель когнитивной системы на прагматической перспективе и «базировать исследование на *функциональных* основаниях» (1992: 33) – (Выделения в цитатах наши. – М. К.).

Таким образом, для языкознания второй половины XX века и особенно последних его десятилетий характерно в целом стремление познать сущность процессов использования языка (речедетельностных, когнитивно-речевых, коммуникативно-функциональных), при которых, кстати, неизбежно взаимодействие научных направлений и дисциплин, ведущее к стиранию четких границ последних. Существенно, что новые черты и тенденции захватывают различные научные направления и дисциплины, поэтому между ними и обнаруживаются близкие, сходные черты (при наличии, конечно, различий). А происходит это потому, что речь как использование, употребление, функционирование языка неизбежно требует выхода в широкий контекст ее изучения, в междисциплинарные области. Речь, в отличие от формальной системы языка, нельзя изучать как имманентную сущность – «в себе и для себя». Не случайно, что такие черты, как антропоцентризм, учет деятельностного начала в языке, даже функциональность в известной степени свойственны и генеративизму.

Указанные тенденции приводят к «зонтиковому» принципу объединения

наук, который, кроме когнитивной науки, свойствен и речеведению. В последнем же одним из главных объединительных начал является общий предмет – речевая деятельность как когнитивно-познавательный и коммуникативный процесс в реальности его протекания, т.е. как речевая интеракция людей в социокультурном пространстве (Кожина 2003).

Значение поворота к функционализму трудно переоценить. Недаром, например, Е. С. Кубрякова пишет: «Семантика и прагматика напрямую связаны с функционализмом и с утверждением его как *центрального* принципа исследования языка» (1995: 217. Выделено нами. – М. К.).

При этом следует учитывать *два значения* у слов «функция», «функциональный», «функционализм»: не только как 1) функционирование языковых форм и конструкций в вербальном контексте, но как 2) функционирование *языка в целом* в актах речевого общения с учетом социокультурных факторов (в другой терминологии: 1) формальный функционализм и 2) коммуникативный функционализм). Это – второе – значение и есть речеведческое; как говорил Э. Бенвенист, «употребление форм не тождественно употреблению языка... Это различные миры», употребление языка – это «когда затрагивается весь механизм языка в целом» (1974: 311). Важно, что именно это второе направление все более расширяется в лингвистике и ему уготовано большое будущее. Поэтому следует различать два указанных значения. Между тем в литературе нередко (особенно в недавнем прошлом) под функционализмом понималось преимущественно первое значение;

в американской лингвистике это направление более «продвинуто».

Исследование речи, именно в функционально-коммуникативном ключе, объединяет функциональную стилистику с дискурсным анализом.

Если еще В. фон Гумбольдт считал существенной стороной языка *energeia*, его деятельностный характер, то по прошествии более чем века динамика языка в речи стала *специально* исследоваться²⁾. Подходы к этому в России были представлены ранее, как известно, в работах А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртене, Л. П. Якубинского, Л. В. Щербы, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова и др. На Западе – в трудах Л. Витгенштейна, Ч. У. Морриса, Г. П. Грайса, Д. Х. Хаймза и др.

В литературе неоднократно отмечено, что в процессе развития лингвистики *речи приоритетными* оказались работы по функциональной стилистике (см.: И. Р. Гальперин, В. Н. Телия, Л. Г. Лузина, Н. Н. Трошина и др.). Однако если иметь в виду мировую лингвистику, то очевидно, что признание первенства в отношении разработки проблематики речи как таковой, а именно процессов производства речи в контексте различных социокультурных условий, принадлежит дискурсному анализу. В частности, Ю. С. Степанов в предисловии к книге «Квадратура смысла» пишет о французской школе анализа дискурса: она «предстает перед нами как яркий национальный вариант общемирового течения мысли, и одновременно как неповторимая ценность..., представляющая... то, что не только не было исследовано, но зачастую даже не было замечено никакой другой школой» (Степанов 1999: 9. Выделено нами. – М. К.). Между тем

2) Ср. остроумное высказывание Р. М. Фрумкиной: «... доминанту современного состояния наук о человеке можно было бы назвать: «Вперед к Гумбольдту!» (1995: 105).

отечественная функциональная стилистика даже несколько опередила АД в смысле специального изучения речи.

Поскольку анализ дискурса (АД) во Франции представил специальное изучение производства речи (*discours*) в условиях экстралингвистического контекста, опередив, в частности, англо-саксонские страны, и являет собою вариант теории (как и определение самого понятия «дискурс»), несколько отличный от других дискурсных национальных школ, но, с другой стороны, близкий российскому, в частности функциональной стилистике (ФС), то мы попытаемся сопоставить ФС и АД во французском его варианте. Это актуально еще и потому, что, во-первых, пока нет достаточной ясности в определении степени близости и различия ФС и АД, хотя в отечественной лингвистике эти термины используются нередко синонимически, во-вторых, потому, что, например Патрик Серио, оттолкнувшись вначале от понятия «функциональный стиль», затем все же дал изучаемому явлению другое наименование (*discours*), дистанцируясь от российской и чешской стилистики (Серио 1985, 1999: 371–372). Эту мысль разделяет и Ю. С. Степанов в своей интерпретации французского АД (1995: 38, 41).

Трудности решения вопроса о сопоставлении ФС и АД связаны, однако, с многообразием определений термина-понятия «дискурс», отсутствием единой общепринятой его формулировки. Недаром один из основателей АД, его теоретик Мишель Фуко неоднократно отмечал, что четкого определения понятия «дискурс» нет. Ср.: «смутное значение слова «дискурс» (Фуко 1996: 81); «что касается

термина «дискурс», используемого слишком неопределенно...» (1996: 108)³. Поэтому необходимо хотя бы кратко остановиться на определении самого термина-понятия АД, как оно представлено в рамках французской школы (главных ее представителей), и некоторых интерпретаторов теории АД.

В начале своего появления и распространения АД в лингвистике дискурс определялся по-разному, как многозначная номинация: это и речь, и связный текст, и диалог, и беседа. П. Серио говорит о многозначности этого термина, который, однако, преимущественно осмысляется как *речь, текст, высказывание* в их процессуальном аспекте и в совокупности с экстралингвистическим фоном. П. Серио отмечает, что наблюдающийся с начала 90-х годов «быстрый рост исследований, относящих себя к «анализу дискурса», затрудняет установление границ между АД и другими научными подходами» (1999: 25–26). Вот некоторые из них:

- в связи с развитием прагматики к Д стали относить «воздействие высказывания на его получателя», иллюкутивную силу высказывания (там же);
- в связи с появлением в свое время лингвистики текста номинация «дискурс» стала использоваться параллельно с названием «текст»;
- в исследованиях живой разговорной речи под дискурсом стали понимать *беседу, диалог*;
- дискурсом именуют и круг (тип) высказываний какой-либо социальной группы: «административный Д», «феминистский Д» (Серио 1999: 26).

М. Фуко использует термин «дискурс» для обозначения общественно-

3) О значениях слова «дискурс» в отечественной литературе см., например, в работах М. К. Бисмалиевой, Э. Чепкиной, В. Е. Чернявской.

исторически сложившихся систем человеческого знания и практики. При этом отметим, что формулировки понятий «дискурс», как и «дискурсная формация», у М. Фуко варьируются; к примеру: «Термин «дискурс» может быть определен окончательно как совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций» (1996: 108), или: «Д – это «совокупность высказываний постольку, поскольку они принадлежат к одной и той же дискурсивной формации... он конструируется ограниченным числом высказываний, для которых можно определить совокупность условий существования» (Фуко 1996: 117).

П. Серио отмечает, что «АД определяет свой предмет исследования, разграничивая *высказывание* и *дискурс*», так как последний – это не просто единица грамматики в тексте, но «высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет», «это лингвистическое исследование условий производства текста» (Серио 1999: 27). И вот что важно. По мысли П. Серио, Д для АД «отнюдь не является первичным и эмпирическим объектом: имеется в виду теоретический (конструированный) объект, который побуждает к размышлению об отношении между языком и идеологией». Д открывает путь «между чисто лингвистическим подходом ... и подходом, который растворяет язык в идеологии» (Серио 1999: 27), что блестяще претворил автор этих строк в работе «Советский политический дискурс» (1985) и в заключительной статье сборника по АД французской школы «Квадратура смысла» (1999).

Согласно определению Н. Д. Арутюновой в Лингвистическом энциклопедическом словаре, «Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Это «связный текст в

совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» (1998: 136–137). Кстати, здесь же отмечаются и «косвенные... связи... теории дискурса с риторикой, разными версиями учения о функциональных стилях» (Арутюнова 1998: 137).

Как бы ни различались определения слова «дискурс», налицо речеведческий характер изучаемого явления: не форма языка по уровням языковой системы, а его употребления в реальной действительности, процессов речи, неизбежно требующих исследования последней в контексте экстралингвистических факторов. И здесь, в самых общих чертах, можно говорить о близости, даже тождественности сопоставляемых нами явлений – ФС и АД – и следовательно о том, что речеведение (лингвистика речи) как одно из двух основных отделов лингвистики и как комплекс дисциплин «зонтикового» порядка (Кожина 2003) включает в себя, помимо ряда дисциплин, специально изучающих именно речь (в разных ее аспектах), также и дискурсный анализ (наряду с функциональной стилистикой). Кстати, напомним, что речеведческий подход при изучении функционирования языка с учетом экстралингвистических факторов, представленный в ФС-ке, даже несколько опередил дискурсный анализ, обозначившись в начале-середине 60-х гг. XX в., при том, что развитие АД считается с конца 60-х – начала 70-х гг. XX в.

Известно, что центральной категорией АД является дискурсная формация (ДФ), определяемая тоже неоднозначно, но все

же обладающая бóльшей определенностью, чем дискурс (Д). Восходит она к понятию общественно-экономической формации, выдвинутой философией марксизма. М. Фуко определяет ее – и соответственно дискурс – как выражение в речи-тексте общественной практики, и тогда ее (речи) анализ становится идеологически ориентированным; дискурс выступает как соответствующая языковая формация по отношению к социально и исторически определяемой общественной практике. Используя понятие *discoursa* при обозначении общественно-исторически сложившихся систем человеческого знания и рассматривая Д как часть дискурсивной практики, а именно множества разнообразных сфер человеческого познания, М. Фуко определяет ДФ как «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» («Археология знания» Цит. по Текст и дискурс: 11–12). Немецкий ученый У. Маас очень хорошо подметил и выразил одну из существенных черт АД, что АД является средством исторической, идеологической, психологической реконструкции «духа времени» (Маас 1984).

Затрагивая вопросы соотношения языка–дискурса–экстрафакторов, М. Фуко пишет: «материалом будет популяция событий в пространстве дискурса... Это описание легко отличить от анализа языка»; «Описание дискурсивных событий ставит перед нами вопрос: почему такие-то высказывания возникают здесь [в данном поле дискурса – М. К.], а не где-либо еще?» (Фуко 1996: 28–29).

По вопросу о соотношении лингвистического и дискурсивного анализа П. Серю

говорит: «Для АД всегда существует опасность обращения к социальным и психологическим категориям..., минуя хитроумный анализ различных тонкостей языка» и постепенно в развитии АД его задачи «стали намного превосходить задачи лингвистики» (1999: 31). Складывается парадоксальная ситуация, кстати, аналогичная с историей функциональной стилистики: хотя «АД никогда... не вторгается в поле лингвистики, он в то же время требует от занимающихся им разнообразных и довольно точных знаний *функционального языка* в массиве текстов, которые предполагается исследовать» (Серю 1999: 32. Подчеркнуто нами. – М. К.).

Анализируя известную работу П. Серю «Анализ советского политического дискурса» (Париж, 1985), Ю. С. Степанов приходит к выводу, что «Дискурс – это особое использование языка... для выражения особой ментальности, ... особой идеологии..., [что] создает особый ментальный мир» (1995: 38–39). Это «язык в языке», но представленный «в виде особой социальной данности», которая «реально существует... в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика... в конечном счете – особый мир... Это – «возможный (*альтернативный*) мир (в смысле логико-философского термина)». «Каждый дискурс – это один из возможных миров» (Степанов 1995: 44–45).

И действительно, П. Серю на анализе текстов докладов ЦК КПСС съездам партии удивительно тонко и глубоко показывает, как особое использование русского языка в советский период – в частности, явлений номинализации в гипертрофированной форме и особых сочинительных конструкций (соединяющих в качестве синонимов несинонимичные слова) – создает своеобразный, обусловленный социально-исторически тип мен-

тальности, выражающийся в особых взаимоотношениях людей (говорящих-слушающих). Взаимоотношениях, в которых безответственность и бездоказательность речи говорящих принимается слушающими (с учетом «правил игры»), а в целом создается впечатление о глобальном идеологическом единстве советского общества. Получается, что дискурс – это не просто тексты и языковые особенности поверхностного уровня языковой ткани текста, а нечто гораздо большее. По словам П. Серио, исследованный им материал «напоминает узор или ткань, сплетенные из отношений-нитей с чем-то внешним, лежащим за пределами текста» (1999: 379).

В этом случае понятно, что дискурс не может быть сведен к тексту, а его анализ к функционально-стилистическому анализу. Однако в то же время исследование речи, текста в неразрывной связи с условиями ее производства, бытования и всей экстралингвистической аурой сближает АД и ФС.

В том и другом случае обнаруживается речеведческий подход к языку, в котором, однако, прослеживаются различия, идущие, в частности, от самих теоретических оснований сопоставляемых научных дисциплин.

По мнению самих представителей французской школы АД, тремя китами, на которых базировалась их теория, были: *марксизм*, точнее исторический материализм (в варианте и лице Л. Альтюссера), *психоанализ* (Ж. Лакана), *структурализм* (имеется в виду Ф. де Соссюр), «разбавленный», однако, идеями Э. Бенвениста.

Основаниями же функциональной стилистики (ФС-ки) были идеи отечественных и пражских (плк) ученых о значимости для понимания языка аспекта его *функционирования, употребления*; –

психолингвистика (в отечественном варианте, как известно, значительно отличающемся от западного), прежде всего учение о речевой деятельности и целеполагании; – положение *о формах общественного сознания* (воспринятое марксистской философией от античности и классической филологии и представляющее в новой терминологии различные формы отражения в сознании людей объективного мира и общественного бытия, возникающие в процессе практической деятельности: правосознание, наука, политическая идеология, искусство и т.д.), а также *языка как действительности мысли*; – *наукоедение* и ориентация изначально на *междисциплинарный* подход. Кстати, последнее свойственно и АД, тем более что дискурсный анализ сразу же был представлен, как известно, не только в лингвистике, но и в ряде смежных гуманитарных научных дисциплин.

Как видим, в этих, взятых в самом общем виде, основаниях сравниваемых научных направлений можно отметить некоторую перекличку, но вместе с тем и различия, что и определило своеобразие указанных речеведческих теорий, представленных в разных национальных вариантах лингвистической науки.

Если взять основной предмет исследования и ключевой термин АД – «дискурсная *форма*ция», то можно видеть, что он коррелирует с выработанным марксизмом понятием общественно-экономической *форма*ции и отражает связи с идеологией и в целом – значительно идеологизированный подход к объекту изучения. Отчасти в связи с этим не случайны такие исследования и термины, как советский политический дискурс (спд), дискурс фашизма и др. Напомним, что общественно-экономическая форма-ция – это исторический тип общества,

основывающийся на определенном способе производства и выступающий как *ступень* прогрессивного *развития человечества* (феодализм, капитализм и др.)

Понимание дискурса, точнее *дискурсивной формации* (ДФ) у М. Фуко, выдвинувшего последний термин, опирается на указанное выше определение формации (конечно, в модифицированном виде): оно, если так можно выразиться, *насквозь социально-исторично*, поскольку М. Фуко стремится вскрыть и изучить специфику познания на разных исторических ступенях («срезах») человеческой истории и вместе с тем в связях и обусловленностях с предшествующими этапами знания («Археология знания»).

Если сопоставить с этим один из основных экстралингвистических факторов функционального стиля, определяющих последний – *формы общественного сознания* – то оказывается, что этот фактор более высокого уровня обобщения, чем формация (несмотря на разнородность явлений) и, кроме того (что немаловажно!), непосредственно связан с *языком*, а также с *деятельностью* человека.

Опора на этот базис позволила ФС-ке представить достаточно стройную систематизацию изучаемых объектов: Ф.стилей, подстилей, жанров и т.д., включая как макростилевую, так и внутрестилевую аспекты и в целом полевую структуру Ф.стиля (с учетом центра, периферии и межстилевых влияний и зон).

Какая-либо общая систематизация дискурсов, дискурсивных формаций нам не известна, да и вряд ли возможна. Представители АД говорят о бесконечности ДФ. У М. Фуко последние различаются по отраслям знания и деятельности (Д. медицинский, экономический, грамматический, географический, юридический и т.д.), и «внутри» – Д.безумия, Д.невроза.

Пожалуй, ведущим является *институциональный* принцип «деления» дискурсивного пространства, соответствующий социальным институтам (Церковь, армия), а также, естественно, Д-сы, соотносительные с тем или иным социально-историческим строем и идеологией общества: Д.советский, Д.фашизма и т.д. Ср. также: «Д. изучается совместно с соотв. «*формами жизни*»: (репортаж, интервью, экзаменационный диалог, инструктаж, светская беседа, признание и пр.» (Арутюнова 1990: 137 – Разрядка наша. – М. К.).

Такая картина (в сопоставительном плане) создается отчасти потому, как сказано выше, что ориентация на социальную *формацию* (в отличие от *формы сознания* – у ФС-ки) вряд ли вообще позволяет дать какую-либо систематизацию.

Помимо яркой социологизации и идеологизации АД, а также глубокого историзма, и вследствие последнего, одной из существенных сторон АД является исследование роли предшествующих высказываний (и знаний), внешних к пространству данного дискурса: вопрос об интердискурсе и интрадискурсе. Кроме того, вопросы выявления невысказанного в речи (тексте); поскольку речь никогда не передает мысль полностью, то актуально определить: что принадлежит языку, а что – дискурсивному процессу (Серио 1999: 365), в связи с этим рассмотреть феномен непрозрачности высказывания и восстановление невысказанного (там же, 372). Невысказанное, имплицитное оказывается компонентом всякого дискурса. Это и привело к выработке понятия интердискурса, или, по М. Пешё, *преконструкт* как «своеобразного следа в самом дискурсе предшествующих дискурсов, представляющих своего рода «заготовку», «сырье» для дискурсивной формации» (Квадратура смысла 1999: 41).

Как говорят сами представители АД, одним из трудных вопросов является вопрос о границах дискурсной формации, которая «не поддается типологическому рассмотрению» (1999: 45). В частности, в концепции М. Пешё, по словам П. Серियो, «дискурсная формация не менее, чем идеологическая формация, не могла мыслиться как «целостный блок» (1999: 51). В связи с проблемой систематизации дискурсов отмечается, помимо институциональности, статус субъекта и адресата, тип содержания, обстоятельства акта высказывания.

Поскольку дискурс, как сказано выше, не имеет четкого определения, а, например, англо-саксонский его вариант отличается от французского, то с учетом представленной выше характеристики АД можно было бы предложить следующую формулировку. Дискурс – это речь, разновидность речи как процесс использования языка в когнитивно-речевой деятельности, фиксирующийся в текстах, опирающийся на интердискурсивность, обусловленный экстралингвистическими факторами (идеологическими, социокультурными, историческими) и представляющий определенную общность практики людей в качестве обобщенного субъекта высказывания (особый «ментальный мир» с его «духом времени»).

В таком развернутом определении мы попытались отразить основные параметральные признаки понятия «дискурс» французской школы АД.

Если сопоставить эти и некоторые другие признаки и концептуальные вопросы дискурсивной теории в ее французском варианте с признаками функционального стиля и отечественной теорией

функциональной стилистики, то получим следующий результат.

У АД и ФС-ки имеются *общие* (сходные, близкие) черты.

Основным предметом исследования той и другой теории является *речь в ее разновидностях*.

Общие параметральные признаки ключевого понятия (Д-са и ФС-ля):

- *динамизм*, процесс использования языка, когнитивно-речевая деятельность;
- *детерминация* изучаемого объекта *экстралингвистическими* факторами, условиями производства речи (высказывания);
- принцип *системности* при использовании языковых средств; взаимосвязь последних, эксплицирующая *специфику* Д-са и ФС-ля;
- *историзм* как Д, так и ФС-ля;
- *тексты* (письменные и устные) как результат речевой (дискурсивной) деятельности (воплощенность ее в текстах) и в то же время материал исследования;
- *междисциплинарный* метод анализа.

Однако за этими общими параметрами стоят некоторые *различительные* характеристики (кое в чем, можно сказать, в нюансах).

Так, *динамизм* в смысле процессуальности, внимания именно к самому акту производства высказывания свойствен прежде всего и в большей степени АД (дискурсивной теории). ФС-ка рассматривает свои объекты – тексты, точнее, стиль как свойство текста и в статике, и в динамике, стремясь за текстовой тканью увидеть процессы ее создания. Определить, *как* динамика мысли (психические процессы познания и другие экстралингвистические факторы) отражается в построении текста, принципах его развертывания, его композиции.

Общим, особенно сближающим обе сравниваемые теории, методы анализа объектов, как и сами ключевые понятия, является выход за пределы сугубо лингвистической стороны и собственно языковедческих методов анализа в экстралингвистику: изучение речи, дискурса, функционально-стилевой разновидности непременно в соотношении с *экстралингвистическими* факторами и условиями производства текста. Но учет самих этих факторов (поскольку они бесконечны), их значимость в формировании изучаемого объекта, приоритеты, доминирование тех или иных из них оказываются не тождественными у Д и ФС, хотя во многих случаях совмещенными. Выше было отмечено различие исходных, базовых факторов: с одной стороны, дискурсные формации (на основе понятия общественных формаций и идеологии) – в теории АД, с другой – формы общественного сознания (в ФС-ке). А это, в свою очередь, серьезно сказывается на внутренней и внешней систематизации (классификации, типологизации) изучаемых объектов – дискурсов и функциональных стилей, о трудностях которой применительно к АД упоминалось выше.

О специфике и системности, вернее *специфической системности* Д и ФС, говорится в той и другой теории, однако этот вопрос(сы), думается, более детально проработан в ФС-ке – как в теоретическом плане, так и на конкретном анализе материала. Имеем в виду работы о речевой системности функционального стиля и его специфике (См. Кожина 1972, 1966 и др.).

Историзм дискурса и Ф. стиля постулируется в обеих сравниваемых теориях. В ФС-ке имеется ряд работ, посвященных изучению ФС в диахронии и сформировалось особое направление «историческая

стилистика». Однако в АД эта проблема занимает доминирующее положение и ориентирована на интертекстуальный, точнее интердискурсный, аспект.

Тексты как языковая ткань (материализация) дискурса и ФС-ля рассматриваются и там и здесь лингвистическими методами с подключением междисциплинарных связей. Но в АД они анализируются в отношении связей с «ментальным миром» субъектов дискурса и предшествующих дискурсных формаций (интердискурсивности, преконалакта) как компонентов строения Д-са, а также явлений, эксплицитно не высказанных в тексте, и глубинного уровня последнего. В функциональной же стилистике текст, его лингвистическая ткань, анализируются с точки зрения того, как закономерности процессов мышления – понятийного, образного, деонтического, обиходного и т.д. и непременно *целей (подцелей)* когнитивно-речевой деятельности в той или иной сфере общения – отражаются и выражаются в речевой системности текста, обуславливающей стилевую специфику последнего (и типов текста) как одно из его эксплицитно выраженных свойств. Явления интертекстуальности, стереотипности, подтекста также учитываются, но избирательно, а не как принцип анализа.

Междисциплинарный подход и в АД, и у ФС-ки является общим методологическим принципом, определяющим методические приемы исследования, несколько различающимся лишь «набором», характером привлекаемых смежных научных дисциплин в качестве детерминантов.

Как отмечалось, одним из трудных вопросов АД является вопрос о границах между ДФ-ми и вообще о возможностях систематизации дискурсивных явлений. В этом плане у ФС-ки ситуация более благополучная именно потому, что при класси-

фикации изучаемых объектов она опирается на формы общественного сознания. Они сами по себе дают четкие ориентиры определения каждого ФС, «деления» речевого континуума на эти сущности. Кроме того, каждый из ФС-ей на основе его базового экстралингвистического фактора (конструктивного принципа) и преобладающего характера мышления в той или иной сфере общения (понятийное либо образное, деонтическое и т.д.), назначения в обществе науки, искусства, права и т.д. и соответствующих им целей и задач общения обладает определенным «стержнем» (вертикалью), связующим его внутренние подразделения (подстили, жанры и т.д.). Причем в этой внутрестилевой системе каждый более частный ее компонент (подстиль и т.д.) выделяется на основе *дополнительного* по отношению к базовому экстралингвистического фактора, а значит – и целей общения, но сохраняя при этом признаки базового.

Однако полевая структура ФС этим не ограничивается. Поскольку в реальной речевой действительности ФС-ли взаимодействуют, и даже могут пересекаться, совмещаться, то это отражается в полевой структуре ФС-лей, которая имеет центр (ядро) и периферию, а также смежные зоны совмещения, пересечения ФС-лей⁴⁾, т.е. не является застывшей и с жесткими границами.

Между АД и ФС, кроме незначительных, имеются и *более существенные различия*. Например, внимание АД к психоанализу, феномену непрозрачности смысла высказывания, поиски невысказанного в тексте, проблема субъекта в Д-се, интердискурсивность (не вполне адекватная интertextуальности), по существу отказ от

типологии объекта исследования, яркая идеологизация и др.

Некоторые стороны анализа ФС-ке стоило бы позаимствовать у АД, например, более глубокий историзм и изучение психологической стороны речи, а также – интердискурсивности и имплицитности речи. И, наконец, различие в том, что Д – это особые языковые формации, коррелирующие с какой-либо областью человеческой практики, познания и коммуникации в единстве с самим миром данной человеческой общности, а ФС-ли – это отражение в речи (ее разновидностях, типах текстов) специфики форм сознания и соответствующих видов деятельности, обусловливающих *стилистические признаки* (как свойства этих текстов), представленные их *стилистико-речевой системностью*. Таким образом, один и тот же объект и материал исследования – текст рассматривается не с одинаковых точек зрения. Для ФС-ки важна прежде всего сама текстовая ткань и экстрафакторы как детерминанты специфики ее формирования и строения, в АД все эти факторы, включая язык, выступают на равных.

В этом плане *нельзя говорить о тождестве АД и ФС-ки, но они очень близки между собой*. В связи с этим понятно дистанцирование П. Серио от стилистики.

Однако необходимо учесть, что современная ФС-ка отнюдь не ограничивается изучением лишь выразительных средств языка и стилистических окрасок, она далеко вышла за рамки традиционного понимания стилистики. Ставши функциональной, истинно речеведческой дисциплиной, она исследует прежде всего то, *какие* экстрафакторы и *каким образом* детерминируют когнитивно-речевую

4) Подробнее см., например, в соответствующих статьях «Стилистического энциклопедического словаря» (2003).

деятельность социума в различных сферах коммуникации, определяя структуру и развертывание того или иного текста (типов текста), как реализацию целей и задач общения.

Вот краткий перечень тем и задач исследований подобного рода:

22

- отражение этапов познавательной деятельности субъекта (от эпистемической ситуации, гипотезы до обоснования концепции, теории) в развертывании научного текста;

- влияние «челночного» характера мышления в коммуникативно-познавательной деятельности на процесс текстообразования и его роль в функционировании категорий проспекции и ретроспекции;

- исследование проблемы отражения в научных текстах механизма получения нового знания, а именно диалектики старого (предшествующего) и нового знания в развертывании научного текста;

- изучение реализации в научном тексте целей и подцелей коммуникативно-познавательного процесса деятельности ученого как фактор жанрообразования;

- изучение с позиций диалогической модели коммуникации процессов жанрообразования в газете под влиянием социальных изменений, а также вопро-

сов интертекстуальности и речевых стереотипов в аспекте диахронии речевых жанров публицистики;

- категория предшествующего знания во взаимодействии с категорией гипотетичности в исторической динамике английских научных текстов и др.

В итоге, очевидно, следует признать, что АД и ФС-ка – это *две близких речеведческих* дисциплины. Значение же их в истории языкознания, ознаменованное поворотным «пунктом» в изучении языка (как двуединства языка/речи), состоит в специальном и всестороннем анализе второго его «компонента» – речи (*discours'a*), многогранность которого не может быть исследована какой-то одной отраслью знания.

Так ФС-ка и АД независимо друг от друга (с середины и конца 60-х годов прошлого столетия) обозначили переход к новой парадигме языкознания, к речеведческому/дискурсивному изучению языка. Постепенно происходит их сближение, иногда говорят о «синонимичности» этих направлений. В рассмотрении вопроса об их соотношении, конечно, есть еще немало дискуссионного. Важно, что каждая из этих дисциплин реализовала исследование *собственно речи* в ее социокультурном пространстве.

summary

Speech science: functional stylistics and discourse analysis

The article deals with the problem of correlation between discourse analysis and functional stylistics (the features of similarity and distinction) as disciplines of speech science against the background of one of the dominant trends of modern linguistics – functionalism.

Литература

- Арутюнова 1990: **Арутюнова, Н. Д.** Дискурс. – In: Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва. – С. 136–137.
- Баженова 2001: **Баженова, Е. А.** Научный текст в аспекте политекстуальности. – Пермь. – 270 с.
- Бенвенист 1974: **Бенвенист, Э.** Общая лингвистика. – Москва. – 447 с.
- Бисималиева 1999: **Бисималиева, М. К.** О понятиях «текст» и «дискурс». – In: Филологические науки, № 2. – Москва. – С. 78–85.
- Ван Дейк, Кинч 1988: **ван Дейк, Т. А., Кинч, В.** Стратегии понимания связного текста. – In: Новое в зарубежной лингвистике, вып. ххii. – Москва. – С. 153–211.
- Данилевская 2000: **Данилевская, Н. В.** К экстралингвистическим основаниям динамики рождения нового знания в научном тексте. – In: Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь. – С. 179–197.
- Демьянков 1982: **Демьянков, В. З.** Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста, вып. 2. Методы анализа текста. – In: Всесоюз. центр переводов. Тетради новых терминов, 39. – Москва.
- Демьянков 1995: **Демьянков, В. З.** Доминирующие лингвистические теории в конце хх века. – In: Язык и наука конца хх в. – Москва. – С. 239–320.
- Дускаева 2004: **Дускаева, Л. Р.** Диалогическая природа газетных речевых жанров. – Пермь. – 276 с.
- Ельмслев 1965: **Ельмслев, Л.** Язык и речь. – In: Звегинцев В. А. История языкознания хх–хх вв. в очерках и извлечениях, ч. 2. – Москва.
- Караулов, Петров 1989: **Караулов, Ю. Н., Петров, В. В.** От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. – In: Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Москва. – С. 5–11.
- Кибрик 1997: **Кибрик, А. А., Плунгян, В. А.** Функциональные и когнитивные теории. – In: Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. – Москва. – С. 176–339.
- Кибрик 1987: **Кибрик, А. Е.** Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности. – In: Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. – Москва.
- Кибрик 1982: **Кибрик, А. Е.** Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике. – In: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. xi. – Москва. – С. 5–36.
- Кожина 1972: **Кожина, М. Н.** О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь. – 395 с.
- Кожина 1966: **Кожина, М. Н.** О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. – Пермь. – 213 с.
- Кожина 1998: **Кожина, М. Н.** Речеведческий аспект теории языка. – In: Stylistyka xii. – Opole. – С. 5–32.
- Кожина 2003: **Кожина, М. Н.** Истоки и перспективы речеведения. – In: Проблемы речевой коммуникации. – Саратов. – С. 34–46.
- Кожина 2002: **Кожина, М. Н.** Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. – Пермь. – 475 с.
- Котюрова 1988: **Котюрова, М. П.** Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. – Красноярск. – 170 с.

- Кубрякова 1995: **Кубрякова, Е. С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). – In: Язык и наука конца XX в. – Москва. – С. 144–238.
- Лапп 1993: **Лапп, Л. М.** Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». – Иркутск. – 218 с.
- Матвеева 1990: **Матвеева, Т. В.** Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск.
- Рябцева 1992: **Рябцева, Н. К.** Мысль как действие, или риторика рассуждения. – In: Логический анализ языка. Модели действия. – Москва.
- Салимовский 2002: **Салимовский, В. А.** Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). – Пермь.
- Салимовский, Барсукова, Соколовская 2003: **Салимовский, В. А., Барсукова, В. В., Соколовская, Л. В.** Функционально-стилистический метод в его отношении к дискурсивному анализу. – In: Współczesne analizy dyskursu. – Rzeszów (в печати).
- Серио 1985: **Серио, П.** Анализ советского политического дискурса. – Paris.
- Серио 1999: **Серио, П.** Как читают тексты во Франции. Вступительная статья. – In: Квадратура смысла. – Москва. – С. 12–53.
- Серио 1999: **Серио, П.** Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций. – In: Квадратура смысла. – Москва. – С. 337–384.
- Соссюр 1933: **Соссюр, Ф. де.** Курс общей лингвистики. – Москва. – 296 с.
- Соссюр 1990: **Соссюр, Ф. де.** Заметки по общей лингвистике. – Москва. – 276 с.
- Степанов 1995: **Степанов, Ю. С.** Альтернативный мир. Дискурс. Факт и Принцип Причинности. – In: Язык и наука конца XX в. – Москва. – С. 35–73.
- Степанов 1995: **Степанов, Ю. С.** Изменчивый «образ языка» в науке XX века. – In: Язык и наука конца XX в. – Москва. – С. 7–34.
- Степанов 1999: **Степанов, Ю. С.** Париж–Москва, весной и утром. Предисловие. – In: Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – Москва. – С. 3–11.
- Стилистический 2003: **Стилистический энциклопедический словарь** (гл. ред. М. Н. Кожина). – Москва. – 696 с.
- Текст 2001: **Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса.** – Санкт-Петербург. – 155 с.
- Фрумкина 1995: **Фрумкина, Р. М.** Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? – In: Язык и наука конца XX в. – Москва. – С. 74–117.
- Фуко 1996: **Фуко, М.** Археология знания. – Киев. – 208 с.
- Чепкина 2000: **Чепкина, Э.** Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. – Екатеринбург. – 279 с.
- Чернявская 2001: **Чернявская, В. Е.** Дискурс как объект лингвистических исследований. – In: Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – Санкт-Петербург. – С. 11–22.
- Чернявская 1999: **Чернявская, В. Е.** Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. – Санкт-Петербург. – 213 с.
- Шмелева 1997: **Шмелева, Т. В.** Речеведение: в поисках теории. – Stylistyka XI. – Opole. – С. 301–314.
- Maas 1984: **Maas, Utz.** Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand. Sprache im Nationalsozialismus. – Opladen.
- Русский 1997: **Русский язык** (Red. E. Širjaev). – Opole. – 255 с.